

УДК 821.161.1

ОБРАЗ ДОМА И РОДНОГО МИРА В ПРОЗЕ К.Д. БАЛЬМОНТА¹

© 2011 г.

Е.Н. Шаинева

Шуйский государственный педагогический университет

vestnik@fsn.un.ru

Поступила в редакцию 8.04.2011

Тема родины и дома является актуальной для русской литературы XX века. Образ дома становится сквозным в творчестве К.Д. Бальмонта. Поэт тоскует по Родине, находясь вдали от неё. Это и Россия, которую он оставил, и Россия его детства, которая связана с Шуйской землей и навсегда вошла в его стихотворения и прозу. Особенно выражена тоска по дому в период творчества, когда он находился за границей в 1920–1942 гг. Целью исследования является раскрытие своеобразия образа дома и родного мира в прозе К.Д. Бальмонта.

Ключевые слова: поэт К.Д. Бальмонт, проза, образ дома, родной мир.

В русской литературе XX века мотив дома, вобравший в себя целый спектр родственных в духовно-культурном плане проблем (семья, род, родина, почва, традиция), приобрел еще и отчетливое нравственно-философское измерение: одни писатели были вынуждены оставить дом-жилище, чтобы в эмиграции сохранить дом в качестве духовной величины; другие – переосмыслить свое отношение к дому и связанным с ним ценностям в соответствии с требованиями новой идеологии и морали. Так что появление образа дома в творчестве каждого из больших художников этого времени было определено, по выражению Г.М. Шленской, «конкретной исторической реальностью и собственной гражданской и творческой судьбой» [1].

Насильственно-добровольный отъезд из страны, потеря своего «пространства» и мира привели к оторванности от России – дома не только биографического, но и духовного. Таким образом, образ дома и родного мира в контексте русской культуры и динамики исторического процесса становятся центральными в произведениях поэтов XX века.

Об этом свидетельствуют статьи об образе дома в мемуарно-биографической прозе первой волны эмиграции: в поздних рассказах А. Платонова, в прозе Ю. Трифонова, В. Высоцкого, А. Тарковского. Утраченный дом, потерянный родной мир сквозит также в творчестве М. Булгакова, М. Цветаевой, А. Ахматовой, И. Шмелева и др.

Полисемантичность лексемы «дом» несомненна. В.С. Непомнящий так обозначает семантическое поле, в котором в русской культуре существовало понятие дом: «Дом – жилище,

убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, "медленные труды". Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом – "родное пепелище", основа "самостоянья", человечности человека, "залог величия его", осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [2].

Литературная деятельность Бальмонта 20-х – середины 30-х гг. была очень интенсивной: он сотрудничал в парижских газетах «Последние новости» и «Современные записки», в некоторых прибалтийских изданиях, издавал книги, читал лекции в Сорбонне, у него было несколько публикаций в американских и итальянских журналах. В конце 20-х гг. Бальмонт переводил славянских и литовских поэтов. За границей им были созданы сборники: «Марево» (1922), «Воздушный путь» (1923), «Под Новым Серпом» (1923), «Моё – Ей. Россия» (1924), «В раздвинутой Дали. Поэма о России» (1929), «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» (1931), «Голубая подкова. Стихи о Сибири» (1935), «Светослужение» (1936–1937).

В данной работе мы рассмотрим прозу К.Д. Бальмонта, написанную в период с 1920 по 1923 годы в эмиграции, а именно роман «Под Новым серпом» (1923), очерк «Трудность» (1921), цикл рассказов «Где мой дом?» (1923) и рассказ «Без русла» (1923). Мы выделяем ключевое слово, номинирующее многократно исследуемый в литературоведении концепт (*изучением мотива*

ДОМ в творчестве разных писателей и поэтов занимались Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, С.Г. Бочаров, Н.Н. Манакова и др.), на основании коммуникативной и смысловой значимости, а не частотности, и выбираем малоизученный материал – прозаические тексты Бальмонта, многие из которых впервые рассматриваются в данном аспекте.

Именно в прозе К.Д. Бальмонта образ России как Дома становится смысло- и формообразующим началом. Все мысли и желания поэта связаны только с возвращением на родину.

Современник Бальмонта Д. Философов писал: «Подлинный поэт всегда "в эмиграции", если не внешней, то внутренней. Когда поэт говорит: "Быть с людьми, какое бремя!", он показывает, что он и сам понимает, какая пропасть между вещим поэтом и людьми повседневности, людьми "расписания поездов" и биржевых бюллетеней...» [3]. Поэт же воспринимает Россию как неотъемлемую часть общеславянского мира: «Есмь славянин и пребуду им» [4].

Будучи на чужбине, Бальмонт до конца жизни винил себя в отъезде из родного дома. Поэтому собирательным образом в романе «Под Новым серпом» становится юродивый. Это образ Дома – России изголодавшейся, поникшей, босой и холодной: «Кто был этот юродивый, никто не знал. Откуда и когда он явился в город? Скажет, что люди спят, а нужно просыпаться. И пропоет нескладным голосом: «Ку-куреку», за что и звали его Андрюша Кочеток» [5]. Явно, что Бальмонт с глубоким смыслом назвал юродивого Кочеток. Эмиграция как предательство не давала покоя Бальмонту. Он ассоциировал юродивого и себя с петухом и апостолом Петром. Петухом, который привёл апостола в чувство, является «слово Христово, не позволяющее, чтобы мы расслабили и спали, но говорящее: „бодрствуйте“ и „востани спяй“» [6].

Мировидение поэта невысказанно без зримого или незримого присутствия образа родного дома, но оно меняется с духовным взрослением. Смысл жизненного пути для Бальмонта всегда был связан с идеей дома, и единый образ дома вырастал прежде всего из воспоминаний детства.

Дом в Гумнищах под Шуей, где он родился, к которому на протяжении всей жизни постоянно возвращался в мыслях и снах, был связан с матерью, очень близким для Бальмонта человеком, с няней, оказавшей на него большое влияние, с образом отца, с родными братьями, с садом, с цветами. Когда мы читаем роман Бальмонта «Под Новым Серпом», то явно видим

дом как единое целое, включая и пространство вокруг него. В этом произведении дом является метафизическим пространством, становясь надмирным для лирического героя.

Идея возвращения в родной дом и обретение родного мира в душе поэта описаны также в рассказе «Где мой дом?». Образ России предстаёт перед его автобиографическим лирическим героем в виде женщины. «Вдруг как из-под земли, как из воздуха предстала предо мною эта странная женщина...

– Дяденька где мой дом? – спросила она меня, и я похолодел.

Она была одета, как крестьянка, которая собралась в дальний путь. На ней были валенки, длинный темный кафтан, похожий на монашеское одеяние. Голова была укутана в большой теплый платок...

– Я не знаю, – сказал я с беспричинным отчаянием.

– Ты знаешь, – сказала она, и в ее голосе была уверенность. – Ты знаешь, дяденька, он тут совсем близко. Покажи мне, где мой дом» [7].

Дальше поэт встречается с М. Цветаевой и рассказывает ей эту историю. «Лицо Марины сделалось торжественным, а глаза ее как будто стали смотреть внутрь самих себя.

– Братик, – сказала она, беря меня за руку, – Она должна была к вам прийти. Должна. Ведь это же к вам приходила Россия» [7].

Образ России символичен. Символичны женщина в рассказе «Где мой дом?» и юродивый в романе «Под Новым Серпом». Они говорят загадками, которые остаются непонятны лирическим героям.

В рассказе «Без русла» Бальмонт теряет грань между родиной и чужбиной. Однако сомнения о свободе на чужбине становятся для него мучительными.

«И вот чем дальше иду я по дорогам чужбины, тем слабее моя связь с моей Родиной и тем чаще я спрашиваю себя с горечью: не лучше ли быть мне в тюрьме там, чем на свободе здесь? И действительно ли я здесь – на свободе?»

Русла нет. А река без русла разве свободна? Она плещется и разливает свои воды, где и не нужно. Даже реке необходимо русло. А изгнанническая жизнь даже и не река в разливе, много беднее, гораздо менее в ней красоты и содержания.

К чему же мне прильнуть?» [8].

Как видим, традиционно метафора дома связана с позитивными прагматическими смыслами: дом – это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундамен-

тальных нравственных ценностей; соответственно строительство – это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше. Однако в современном Бальмонту политическом дискурсе метафорические модели дома разворачивались таким образом, что акцентировались векторы тревожности, конфликтности. Именно в метафорическом зеркале отразились обыденные представления человека о понятийной сфере-источнике, то есть то, как человек концептуализирует эту сферу и что при этом он выделяет в ней.

Примечание

1. Работа выполнена в рамках проекта П662 «Литургическое слово в русской литературе» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

Список литературы

1. Шлёнская Г.М. Дом и мир: очерки о творчестве красноярских поэтов / Г.М. Шлёнская. Красноярск, 1984. 120 с. С. 22.
2. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1906-х – 1990-х гг.: Т.1 Русская картина мира / В. С. Непомнящий. М.: Жизнь и мысль, 2001. 496 с. С. 26.
3. Бальмонт К.Д. За свободу! 1927. № 93 (2125), 23 апреля.
4. Письмо Бальмонта К.Д. к Д. Н. Анучину, 1912 г. Одесские новости, 1913. 5/18 марта.
5. Бальмонт К.Д. Под Новым Серпом // К.Д. Бальмонт. Избранные стихотворения и проза. М.: изд.-во «Талка», 2007. 442 с. С. 231.
6. Толковая Библия Лопухина // Под ред. А.П. Лопухина. СПб, 1913. С. 21–22.
7. Бальмонт К.Д. Под Новым Серпом // К.Д. Бальмонт. Избранные стихотворения и проза. М.: изд.-во «Талка», 2007. 442 с. С. 399.
8. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т.6.: Край Озириса; Где мой дом?: Очерки (1920–1923); Горные вершины: Сборник статей; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 624 с. С. 244.
15. Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произв. СПб.: Евразия, 2000. 444 с.
16. Derrida J. Die Lehre Nietzsches und die Politik des Eigennamens // J. Derrida, F. Kittler: Nietzsche – Politik des Eigennamens. Wie man anschafft, wovon man spricht. Berlin, 2000.
17. Бок Ф.К. Структура общества и структура языка // Зарубежная лингвистика. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. С. 115–129.
18. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 544 с.
19. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

IMAGE OF THE HOUSE AND THE NATIVE WORLD IN K.D.BALMONT'S PROSE

E.N. Shashneva

The theme of the native land and the house is actual for the Russian literature of XX century. The image of the house becomes through K.D. Balmont in creativity. The poet is homesick, being far from her. This and that Russia which he has left, and Russia of his childhood which is connected with the ground Shuya for ever has entered into his poems and prose. The melancholy on the house during his creativity when he was abroad 1920–1942 years is especially expressed. Therefore the purpose of our research is disclosing an originality of an image of the house and the native world in K.D. Balmont's prose.

Keywords: poet K.D. Balmont, prose, an image of the house, the native world.